

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

ДВЕ ПРОБЛЕМЫ

О происхождении имперфектного значения у марийского перфекта

Одна из отличительных особенностей марийского перфекта состоит в том, что наряду с чисто перфектным значением он может иметь имперфектное, т. е. обозначать длительное действие в плане прошлого. Это значение можно проиллюстрировать примерами из лугового диалекта марийского языка: *Тудо пашаште чот тыршен: куралын, їдын, кытам пїртен, тельм пум руэн, шупшыктен, ик манаш, чыла ыштен* (Н. Лекайн, Кўртнїө вий, Йошкар-Ола 1974, стр. 8) 'Он очень старался на работе: пахал, жал, вязал снопы, зимой рубил дрова, возил их, словом, делал все'; *Мыят вет шкетын огыл, колхозник-влак дене пырля возенна* (З. Каткова, Кушто улат, пиалем? Йошкар-Ола 1965, стр. 113) 'Мы ведь не сами, с колхозниками вместе писали'; *Мыят гражданский сарыште коштынам. Семен Михайлович Буденный дене пырля кредалынам* (В. Иванов, Тўтан, Йошкар-Ола 1965, стр. 36) 'И я в гражданской войне участвовал (букв. 'ходил')'. Вместе с Семеном Михайловичем Буденным сражался.'

Почему могло возникнуть такое значение у марийского перфекта? Попробуем высказать некоторые предположения.

Помимо перфектного, марийский перфект может употребляться и в модальном значении, т. е. для выражения т. н. прошедшего неочевидного времени, когда кто-либо сообщает о действиях, совершившихся или совершавшихся в прошлом, со слов других. В этих случаях перфект обозначает и длительные действия, совершавшиеся в прошлом, например: *Колышт, — рвезе ойлаш тїналэ — Тиде шукерте ожно лийын маныт. Теве тиде верыште мужыр йїксї илен. Шошым чонештен толыныт, ыгым луктыныт, ончен куштеныт* (В. Иванов, указ. раб., стр. 16) 'Слушайте, — начал говорить парень. — Это было, говорят, очень давно. В этом самом месте жила пара лебедей. Весной они прилетали, выводили птенцов, выкармливали их'. Здесь перфектные формы *илен* 'жила', *чонештен толыныт* 'прилетали', *луктыныт* 'выводили' фактически обозначают длительное действие.

Этот факт мог послужить импульсом для переосмысления значений подобных модально окрашенных перфектных форм в следующем направлении: *толыныт* 'говорят, что они приходили' > *толыныт* 'они приходили вообще'. Затем это значение было изолировано и превратилось в самостоятельное значение марийского перфекта.

Следует отметить, что развитию такого значения не в малой мере способствовали некоторые специфические особенности марийской гла-

гольной системы. В марийском языке существует явный недостаток средств для выражения длительных действий, совершившихся в прошлом. Формы первого прошедшего времени, образованные от глаголов второго спряжения, способны выражать как длительное, так и законченное действие, тогда как абсолютное большинство форм, образованное от глаголов первого спряжения, выражает только законченное действие, ср. *нале* 'он взял', *йодо* 'он спросил', *шинче* 'он сел', *ончале* 'он посмотрел', *шогале* 'он остановился', *тольо* 'он пришел', *лекте* 'он вышел', *кодо* 'он остался', *нолтале* 'он поднял' и т. д.

Эти формы не в состоянии передавать значение несовершенного вида типа 'он брал', 'он спрашивал', 'он сидел', 'он смотрел', 'он оставался', 'он приходил', 'он выходил', 'он оставался', 'он поднимал' и т. д.

Правда, формы прошедшего длительного эмфатического времени давали возможность выразить все эти значения, но употребление этого времени имеет известные ограничения: оно используется только в случаях эмфатического выделения длительного действия.

Выходом из кризисного положения стало создание дополнительного значения у марийского перфекта. В связи с этим возникают новые вопросы. Способностью выражать длительные действия в прошлом обладает также перфект в чувашском языке, однако значительно реже, но наличие у чувашского перфекта такого значения совершенно бесспорно, например: *Кредитлӓ юлташлӓх айӓплӓ ... Миҫе хут каланӓ эпӓ* (М. Шкетан, Эренгер, Шупашкар 1957, стр. 84) 'Кредитное товарищество виновато... Сколько раз я говорил (об этом)'; *Колхоза ҫак пахча ҫимӗҫсем пыҫӓк тупаш панӓ, ҫавӓнна та пахчана ҫулсеренех сарса пынӓ* (А. Лазарева, Брамет, Калавесем, Шупашкар 1960, стр. 108) 'Эти овощи давали колхозу большой доход. Поэтому огород каждый год увеличивали'; *Мӓн пӗчӓкренех тӓлӓх ӓҫнӓскер* (А. Лазарева, Пирӓн таврара, Шупашкар 1963, стр. 21) 'Я с малолетства росла сиротой'.

Редкое употребление перфекта в имперфектном значении в чувашском языке и отсутствие подобного значения у перфекта в татарском литературном языке позволяет предполагать, что чувашский язык воспринял эту особенность от марийского. Однако здесь появляются новые трудности.

Л. Т. Махмутова, характеризуя употребление первого перфекта в мишарском диалекте татарского языка, отмечает, что он может обозначать действие, в прошлом обычное, постоянное, характерное для определенного круга лиц. Глагол стоит в 3-м лице единственного числа. В этом значении рассматриваемая форма синонимична прошедшему незаконченному времени на *-а иде*: *Эшлӓгӓн туйгынчык, аннан ашаган-эчкӓн дӓ йыклаган* 'Обычно работали, бывало, до усталости, потом ели-пили и спали'; *Бӓбӓклӓрне катырып утырган тугып* 'Сидели, бывало, ткали до изнеможения' (букв. 'до затвердения глаз'). Перфект обозначает также действие достоверное, происшедшее в неопределенном или далеком прошлом при участии или в присутствии говорящего: *Без инде кӓп йерлӓрдӓ булганбыз, кӓпне курганбез* 'Мы уже во многих местах побывали, многое видели'. В указанном значении форма первого прошедшего-настоящего времени широко распространена во всех мишарских говорах, но наиболее активно — в дрожжановском и частично в чистопольском. Очень активна она в говоре татар северо-восточной Башкирии.¹

Таким образом, обнаруживается уже цепь языков, связанных общей изоглоссой.

¹ Л. Т. Махмутова, Формы прошедшего времени в мишарском диалекте татарского языка. — Советская тюркология 1976, № 3, стр. 3.

Приведенные факты заставляют задуматься еще над одной проблемой. Как известно, в мордовских языках нет перфекта. Его функции может выполнять обычное прошедшее время. Однако при рассмотрении форм первого прошедшего времени в эрзя-мордовском языке обнаруживается, что форма 3-го лица единственного числа, а соответственно и множественного, представляет какое-то инородное тело: 1) *ловнынъ* 'я читал', 2) *ловнынъ* 'ты читал', 3) *ловнось* 'он читал'. Она очень напоминает формы причастия прошедшего времени, ср. *ловнозь* 'прочитанный'. Не является ли эта форма 3-го лица единственного числа осколком некогда существовавшего в мордовских языках перфекта, образованного на базе причастия на *-зь*?

Причину вклинивания фактически перфектной формы в парадигму первого прошедшего времени определить нетрудно: форма 3-го лица единственного числа настоящего времени типа *моли* 'он идет' совпала с формой 3-го лица единственного числа первого прошедшего времени *моли* 'он шел'. Включение перфектной формы типа *мольсь*, таким образом, устранило омонимию.

Однако эта причина, по-видимому, была не единственной. Можно предполагать, что перфект в древнемордовском языке, помимо способности передавать результат действия, обладал способностью выражать длительное действие, происходившее в прошлом. Эта гипотеза помогает понять, почему перфект в западном диалекте татарского языка, т. е. в мишарском, может обозначать и длительное действие в прошлом.

О происхождении звуко-символических глаголов

Вопрос о происхождении звуко-символических слов, в том числе и глаголов, содержит много загадок. По своим особенностям звуко-символические слова довольно редко отличаются от звукоподражательных. Последние обычно возникают в результате стремления воспроизвести различные звучания в окружающей природе, например, щебетание или чириканье птиц, треск ломающихся деревьев, журчание ручья, шум ветра, вой или лай собаки, ржание лошади, смех или крики людей, писк мыши, различного рода шелесты, шорохи и т. п. Это воспроизведение, конечно, в каждом языке очень несовершенное, приблизительно, но все же возникает из желания подражать какому-нибудь звучанию.

Назначение звуко-символических слов иное. Человек здесь уже не подражает звучаниям, а передает посредством звука нечто, часто уже не звучащее, ср. мар. *луй-луй* 'плавно' (*луй-луй луйгалташ* 'плавно покачиваться'), *кыде-годо* 'быстро' (*кыде-годо лектын каяш* 'быстро уйти'), удм. *лӧб-лӧб* 'пышный, рыхлый', *лук-лак* 'неуклюже, небрежно' (*лук-лак кыкыса нуыны* 'тащить небрежно'), *лап-лап* 'спокойный, уравновешенный' (*лап-лап улыны* 'жить спокойно') и т. д.

Каким образом могут возникнуть в языке звуко-символические слова, в данном случае глаголы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо в самих звуко-символических глаголах найти точки опоры для решения поставленной проблемы.

Конечно, вряд ли можно найти точки опоры в звуко-символических наречиях, сопровождающих глаголы, типа мар. *луй-луй* 'плавно' или коми3 *шурк* 'мгновенно, быстро', например, *шурк бергодчыны* 'быстро повернуться'. Однако в коми языке есть звуко-символические глаголы другого типа, такие, как *тивгыны* 'плавно и бесшумно лететь', *жупкыны* 'с усилием, через силу что-либо делать', *ловгыны* 'течь, стекать (о вязких жидкостях), тащиться', *мозгыны* 'тянуться, тащиться', *сипкыны* 'падать', *плавгыны* 'расстилать', *сатшкыны* 'втыкать', *мыськыны* 'мыть' и т. д. Нетрудно заметить, что они имеют тот же суффикс, что и звуко-подражательные глаголы типа *юргыны* 'звенеть', *кургыны* 'ворковать',

жуньгыны 'гудеть', *сильгыны* 'шипеть', *жборгыны* 'журчать', *киргыны* 'хрипеть' и т. д.

Таким образом, суффикс *-г-* (*-к-*) в *тивгыны* 'плавно и бесшумно лететь' выдает происхождение этого глагола. Звукосимволика возникла на основе звукоподражания. Звукоподражательные слова переосмыслены человеком для передачи особенностей процессов, связанных с каким-либо действием. В пользу такого предположения можно привести весьма показательный пример. В коми-зырянском языке есть безусловно звукосимволический глагол *троньгыны* 'струиться, подниматься (о дыме)'. Суффикс *-г-* здесь заставляет нас искать его звукоподражательных родственников. И, действительно, такие имеются: *троньгыны* 'звенеть' и *триньгыны* 'звенеть'. Это означает, что первоначально какое-то звучание, нечто вроде треньканья, было использовано уже как образ для передачи такого процесса, как выход из трубы дыма, когда дым идет не бурно, а легкими струйками, еле заметно, и все это как бы напминает слабое звучание струнного инструмента, т. е. треньканье. Может быть, такое предположение ошибочно. Однако оно подтверждается на материале других языков, например, тат. *мыжгырда*- 'кишмя кишеть', *лыжырда*- 'размокнуть, размягчиться во время оттепели', алт. *мызылда*- 'блестеть', кирг. *жылтылда*- 'блестеть' и т. д.

Все эти глаголы содержат характерный суффикс *-ырда*, *-ылда*-, типичный для тюркских звукоподражательных глаголов, ср. азерб. *зын-гылдамаг* 'жужжать', тат. *быгырда*- 'бурлить', каракалп. *барылда* 'гремять', тур. *patırdamak* 'грохотать' и т. д. Эти факты опять-таки говорят в пользу того, что звукосимволика возникла на основе звукоподражания. Подобные связи необходимо учитывать при этимологизации слов. Мар. *мушкаш* 'мыть', комиЗ *мыськыны* 'мыть' и мордЭ *муськемс* 'мыть' вряд ли в настоящее время можно рассматривать как звукоподражательные или звукосимволические глаголы, однако наличие в них суффикса звукоподражательных глаголов *-к-* явно свидетельствует о том, что первоначально это были звукоподражательные глаголы. Потом, возможно, они превратились в глаголы звукосимволические. С течением времени и это значение утратилось, и сейчас эти глаголы по значению ничем не отличаются от рус. *мыть*.

Звукосимволические глаголы используют самые разнообразные звуковые комплексы. Способность древнего человека различать многие десятки различных природных шумов, доброй половины которых современный человек не подмечает, не может не вызывать удивления.

В. А. SEREBRENNIKOV (Moskau)

ZWEI PROBLEME

Eine der Eigentümlichkeiten des marischen Perfekts ist seine Fähigkeit, die imperfektive Handlung zu bezeichnen, die den Perfekten anderer finnisch-ugrischer Sprachen fremd ist. Wie konnte diese Fähigkeit entstehen? Wie bekannt, hat diese Eigentümlichkeit auch das Perfekt im Tschuwaschischen. Es ist sehr wahrscheinlich, daß diese Sprache diese Eigentümlichkeit dem Marischen entnommen hat.

Aber das Problem wird noch verwickelter. In der mišarischen Mundart der tatarischen Sprache findet man auch eine solche Eigentümlichkeit des Perfekts. Es ist nicht ausgeschlossen, daß das jetzt verschwundene Perfekt des Altmordwinischen eine solche Eigentümlichkeit besaß, was als eine Ursache seines möglichen Schwunds betrachtet werden kann.

Der Ursprung der lautsymbolischen Verben birgt viele Rätsel. Dem Verfasser ist es gelungen, festzustellen, daß einige lautsymbolische Verben im Syrjänischen das Suffix *-k-*, *-g-*, das gewöhnlich onomatopoetische Verben im Syrjänischen charakterisiert, haben. Daraus folgt, daß die lautsymbolischen Verben historisch aus den onomatopoetischen Verben entstanden sind.